

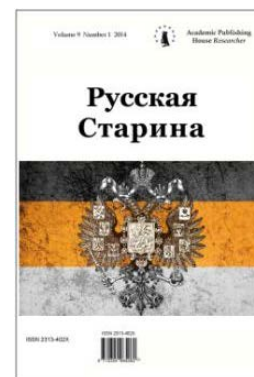
Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 15, Is. 3, pp. 168–179, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.15.168

www.ejournal15.com

Articles and Statements

The Great Patriotic War in the Official Documents and Eyewitness Memories

UDC 94(47)

Images of the Family in Stalingrad Children's Memories

Evgeny F. Krinko

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr. (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract

There is a large number of studies on the Battle of Stalingrad. However, the fate of the Stalingrad children is not analyzed enough. The paper conveys the image of a family in memory of the children of Stalingrad. This research is based on the results of the survey conducted in 2014–2015 among Volgograd inhabitants, witnesses of the Battle of Stalingrad in childhood and adolescence. The family largely determined the fate of the Stalingrad children. The structure and composition of the family have been changed. During the Battle of Stalingrad adult care, firstly care for children by the parents, became the main condition of their survival. The life perception peculiarities significantly influence the memoirs of a certain person. The childhood as a rule is idealized as compared with the events of adult life.

Keywords: Great Patriotic War, Stalingrad, wartime childhood, family, memories, oral history.

Введение

Сталинградской битве, считающейся началом коренного перелома в Великой Отечественной войне, посвящено немало исследований и мемуаров. По подсчетам Д.А. Белова, к 2012 г. общее количество всех публикаций, включая различные исторические источники, превысило 4000 наименований [1]. В большинстве из них рассказывается о ходе и результатах сражения, героизме советских воинов, роли отдельных участников, частей и соединений в победе над врагом. Значительный опыт разработки проблемы позволил создать фундаментальный энциклопедический труд [2]. В то же время в истории Сталинградской битвы остается немало неизученных аспектов. Только в последние годы появились первые работы, рассказывающие о трагедии гражданского населения города [3].

Однако судьба детей Сталинграда все еще недостаточно исследована. Между тем тема военного детства в современной историографии приобретает все большую актуальность [4]. При этом особое значение имеет использование источников личного происхождения, прежде всего устных, – проведение опросов среди детей как последней категории прямых свидетелей и очевидцев военных событий. Обращение к ним позволяет не только раскрыть механизмы адаптации детей к чрезвычайным условиям военного времени, но и выявить особенности формирования и дальнейшей трансформации памяти о войне у детей и подростков.

Материалы и методы

В основе исследования лежит историко-антропологический подход, позволяющий выяснить, как реагировал мир детства на чрезвычайные условия военного времени, охарактеризовать особенности повседневной жизни детей и детского восприятия войны. Главным источником стали материалы проведенного в 2014–2015 гг. в рамках поддержанного РГНФ исследовательского проекта «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны» (руководитель – доктор исторических наук М.А. Рыблова) опроса среди жителей Волгограда, переживших Сталинградскую битву в детском и подростковом возрасте. Всего было записано 264 интервью детей военного Сталинграда, являвшихся непосредственными свидетелями событий того времени и на сегодняшний день остающихся основными трансляторами памяти о Великой Отечественной войне. Результатом проведенных опросов стало издание двух сборников воспоминаний: «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города» [5] и «Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города» [6]. В первый сборник вошло 114, а во второй – 56 текстов воспоминаний. Полные записи интервью хранятся в архиве Музея казачьего быта Волгоградского государственного университета.

Обсуждение и результаты

Семья – самый ранний по происхождению и один из самых главных по выполняемым функциям и месту в жизни человека социальный институт – играет особенно важную роль в первичной социализации ребенка. Под влиянием политических, экономических и социокультурных процессов в годы советской власти существенно эволюционировали формы и практики семейной жизни, ее материальные и духовные основы [7–11]. Многие респонденты начинали рассказ с обстоятельств своего происхождения, и их воспоминания позволяют проследить эволюцию семьи на конкретных семейных историях. Большинство упоминало о том, что прежде, в старших поколениях, их семьи были многодетными: «Так вот, дед нарожал 15 человек детей. Не все они по тем временам выжили, сохранилось трое сыновей, сохранилось четверо или пятеро дочек, и все они потихонечку уходили к своим мужьям» [12]; «В семье было 14, вот по памяти я так, 16 человек детей. В живых остались не все, но многочисленный род. Сейчас остались только троюродные. И связи уже меньше, конечно» [13]; «Бабушка родила четырнадцать детей, но четверо остались живы, моя мама среди них младшая» [14].

К началу Великой Отечественной войны в СССР преобладали простые (двухпоколенные) семьи из супругов и детей. Сократилось количество совместно проживавших родственников и детей, вследствие постепенного снижения рождаемости и все еще остававшейся достаточно высокой, хоть и постепенно снижавшейся на протяжении всего предвоенного периода детской смертности. В 1939 г. советская семья состояла в среднем из 4,1 человека. Постепенно сокращалось количество крупных семей, в которых насчитывалось 5 человек и более, – в 1939 г. они составляли 35 %. Многодетные семьи сохранялись в основном в сельской местности [15].

Немало опрошенных детей Сталинграда происходило из многодетных семей. В.Н. Романцову вспоминается «тетушка, у которой было шесть детей» [16]. По словам З.Н. Овчинниковой, у ее мамы из многодетной крестьянской семьи было еще два брата и четыре сестры. Она сама также родилась в многодетной семье: «Пожились мои родители в 1917-м году, но тут начался переполюх, папа дома почти не бывал, а мама только и знала, что рожала да хоронила детей. Кормить было нечем, вот они и умирали.

Из семерых детей остались в живых только трое – моя старшая сестра Юля, брат Григорий и я» [17].

Среди респондентов преобладали горожане в первом поколении, а в составе населения Сталинграда к началу Великой Отечественной войны доминировали выходцы из села. Если в конце XIX в. в Царицыне проживало всего 55,2 тыс. человек, то к началу войны – уже более 450 тыс. человек. Резкое увеличение численности городского населения за четыре десятилетия – в восемь с половиной раз – было обусловлено его превращением в важнейший индустриальный центр Нижнего Поволжья, на заводы и фабрики которого устремились сельские жители: «И вот мама приехала сюда еще девушкой. Я хорошо не помню, по-моему, когда началось строительство всех этих заводов. Из села же раньше не выпускали просто так. Справки давали, у меня справка сохранилась, ей дали, что она такая-сякая, и вот она приехала сюда. И здесь она познакомилась с папой: те приехали, она приехала, и они познакомились. И поженились» [18].

Структура и состав семьи постепенно менялись, а вместе с ними и соответствующие представления. Если в самом начале XX в. наличие 10–15 детей в семье не представляло собой исключительного явления, то в 1940-х гг. такое количество встречалось крайне редко, а большими считались уже семьи, имевшие свыше трех детей: «У нас была большая семья, две бабушки. К началу Сталинградской битвы у нас в семье было трое детей» [19].

Изменилась и система проживания: в сельской местности, особенно в небольших хуторах, выделившиеся из общей семьи родственники нередко селились на той же или на соседней улице, а то и в соседних домах, что позволяло поддерживать между собой тесные отношения. В отдельных кварталах бывших рабочих поселков, вошедших со временем в черту города, также сохранялся подобный принцип совместного расселения родственников. Здесь совместно решались все значимые хозяйственные вопросы, не говоря уже о таких общих событиях, как свадьба или похороны, на которых присутствовали даже дальние родственники. Совместно воспитывались и дети, особенно близкие по возрасту: «Они – сестры – все жили рядом, двор ко двору. Как она говорит, на одной печке воспитывались. Вот эти ее троюродные дяди, тети, все вместе воспитывались» [21]; «Мы жили на Спартановке, первая улица от Волги – улица Апатитова. Наш огород выходил уже к Волге. И на этой улице жили в основном все наши родственники: мамыны три брата и две сестры. Вот все жили на этой Апатитовой улице. Их выселили, когда строили Тракторный завод» [22].

В дальнейшем, в условиях городской планировки и нараставшей остроты жилищного вопроса, дети, как правило, проживали отдельно от родителей, если такая возможность, конечно, существовала: «Мы жили сначала у бабушки, а потом прямо перед войной построили свой дом, по тем временам большой дом считался. В этом доме мы жили» [23]. Порой и родители отселялись от выросших детей, имевших собственные семьи, предпочитая избегать лишних разногласий с ними: «А бабушка <...> с зятем – с моим отцом – не ладила. И говорит: “Ой, Маруся, я хочу себе отдельно купить. Мне какую-нибудь маленькую-маленькую”. И мама ей купила там избушку» [24].

Во многих воспоминаниях приводятся описания хороших взаимоотношений между отдельными членами семьи, особенно между родителями и детьми. Наряду с традиционными примерами материнской любви («Мама всю любовь отдавала нам» [25]) нередко говорится и о проявлении нежных чувств отцами по отношению к своим детям и женам, нехарактерном для крестьянских и казачьих семей: «Папа нас всех очень любил, и за всю свою жизнь я ни разу от него не слышала грубого слова. Нас с сестрами ни разу пальцем никогда не тронул, хотя Витьке доставалось. Папа очень любил маму, и я думаю, что он стал примером для наших мужей. Папа всегда приносил маме первые весенние цветы. Он школу полностью закончил только после войны, но был очень грамотный, начитанный, эрудированный» [26].

Нежные чувства супругов переносились на их отношение к детям, создавая комфортную психологическую обстановку в семье для всех ее членов, наполненную чувством любви и уважением к личности взрослого и ребенка. Подобный стиль взаимоотношений между супругами, родителями и детьми отражал формирование в советском обществе новой семейной модели, в основе которой лежали личные чувства членов семьи. Детоцентризм был одним из ее главных составляющих: взрослые стремились

проводить как можно больше времени с детьми, общаться с ними, развивать и воспитывать: «Детей баловали очень, они были “пупом земли”. Знаю, что трехколесный велосипед, санки были у нас. Каждые выходные мы ходили на Волгу купаться всей семьей» [27]. Если позволяли доходы, не жалели средств на приобретение книг, игр и игрушек, спортивных орудий и снарядов для детей. Но даже если их и не было, атмосфера семейного тепла и уюта создавала необходимые условия для нормального развития личности ребенка: «В 1942 году мне было 10 с половиной лет. <...> Я считаю, что мы жили счастливо. Мы не были богатыми людьми, но мы были счастливыми, просто тем, что мы дружно жили, что у нас все было хорошо, что я училась... Я особенно хорошо помню, как меня принимали в пионеры, как я гордилась, что на мне красный галстук – частица красного знамени» [28].

Подобные взаимоотношения складывались в основном в верхних и средних слоях горожан – в семьях советских служащих, интеллигенции, командного состава армии и флота. Не последнюю роль в их возникновении сыграл поворот в семейной политике от либерализации брачно-семейных отношений, присущей первым годам советской власти, к укреплению семьи как важнейшей ячейки общества в 1930-х гг. [29].

В то же время в семьях многих рабочих, в основной своей массе выходцев из села, сохранялись более строгие, патриархальные подходы к воспитанию детей, а также уважительное отношение к родителям, которых называли в традиционной крестьянской манере на «Вы»: «Вы знаете, в каждой семье к детям по-разному относились, как и сейчас. Вот у нас в семье было заведено как-то строго, что ли, я не знаю. Строго сказать – нет. Ну как-то почитали маму; чтобы на маму что-то сказать... Во-первых, мы на “Вы” почему-то называли всегда, на “ты” назвать – это было, ну очень грубо что ли как-то. Не знаю. Как-то нас четверо было детей. И я младшая была, и старшие вот как-то надо мной тряслись. И вообще было заведено, что старших надо слушаться» [30]; «Родители, конечно, никто нас не баловал. Мама тоже работала. Она работала на Сталинградском тракторном заводе крановщицей. Поэтому все свободное время мы были предоставлены себе. Ну в то время было как-то, что друг за другом следили соседи, по дому, по квартире или еще как. Тогда было другое время. Нас воспитывали, чтоб мы не хулиганили, не шумели, уважали старших» [31].

У занятых тяжелым физическим трудом родителей не оставалось ни времени, ни сил на организацию досуга и отдыха детей. Сказывались и невысокие доходы таких семей, вынуждавшие искать источники дополнительных заработков. Поэтому дети в них наделялись обязанностями наравне со взрослыми. В годы Великой Отечественной войны круг этих обязанностей расширился: детей посылали отоваривать хлебные карточки и пасти скот, они воспитывали младших братьев и сестер, выполняли различную работу по дому, саду и огороду: «В 1941-м году детство мое кончилось, так как приехала сестра с двумя детьми, и мне поручили за ними присматривать, но я была в семье младшая, одна, старшие разъехались, мне не хотелось за ними смотреть» [32]; «Мама продала все соленья. На эти вырученные деньги купили корову. И детство у меня прошло, у меня была обязанность пасти эту корову. И задание такое: идешь пасти корову, дается 2 мешка. Надо нарвать сена: один мешок и второй мешок» [33].

Многие дети Сталинграда, судя по их рассказам, накануне и во время войны поддерживали тесные связи и с другими родственниками – проживавшими отдельно от них бабушками и дедушками, дядями и тетями: «Ну, во-первых, бабушка нас снабжала оладушками или пирожками испеченными, варениками, чтобы мы в школе после второго урока пообедали» [33]; «Помню хорошо, как мы ходили к бабушке, там у нее садик был. Очень хорошо помню дядю, папиного младшего брата. Он лежал в Садовой, в госпитале, и мы к нему ездили» [34]; «Я жила с бабушкой в основном: мама-то работала, папа на Финскую ушел, потом на Отечественную ушел» [35]. Само расширение круга общения ребенка имело положительное значение для его социального и психологического развития.

Значительно реже бывшие дети Сталинграда рассказывали о семейных неурядицах, разногласиях между родителями, вызванных их пагубными привычками. Порой такие конфликты завершались разводами и распадом семей: «А папу я не помню, как мама рассказывала, он был такой повеса. Я должен был в сентябре родиться, а ей сказали, что он гуляет. А гуляет, был друг, причем туберкулезник, там двое детей, и он ходил туда. И она из роддома ушла к своим. А жили за Домом офицеров, здесь. Она из Центрального роддома

ушла к родителям, и все, больше они не сошлись, хотя он приходил, просил прощения. Но у него там четверо или пятеро детей еще родилось. Я вот не знаю, служил он, не служил. Я про отца мало что знаю» [36]. К разводу могло привести и различие взглядов на жизнь: «Мама рано разошлась с мужем, с моим отцом Егором Яковлевичем. Сам он уроженец Сталинградской области. Теперь я бы могла сказать, что это был человек из семьи с хорошим достатком. Плохо знаю жизнь семьи отца – мама не рассказывала. Но психология была, я бы сказала, какая-то собственническая. Если, например, мама решила купить самовар – это был скандал. Самовар для чего? Для интерьера, для того чтобы встретить гостей. Встреча гостей, родственников, день рождения мамы, например, пригласить на чаепитие, чтобы было культурно. Мама ощущала эту необходимость культурного обихода в семье. Это тоже скандал. Если мама купила вилки, чтобы мы руками не ели, ну, например, чтобы вареники не доставать руками из общей чаши или тарелки, – это тоже скандал. И мама решила развестись» [37].

Естественно, что дети в случае разводов обычно становились на сторону тех родителей, с которыми оставались дальше жить. В то же время семейные конфликты, а тем более разводы, утрата возможностей полноценного общения с одним из родителей, заставляли детей переживать психологические стрессы и испытывать определенный дискомфорт: «И вот так я был лишен отца своего. А хотелось, возраст когда наступил, хотелось мужского общения. Был отчим один, который не разрешал мне звать его папой» [39].

Встречаются в воспоминаниях бывших детей Сталинграда и упоминания о совершавшихся родственниками абортах, запрещенных в то время. Видимо, поэтому их причины связываются не с собственными проблемами семьи, а с предчувствием предстоящей войны, что придает им более патетический смысл: «А еще до войны жена моего брата и моя сестра, видно, уже слышали о надвигающейся войне, сделали аборт. Раньше это было запрещено, и от подпольных абортотворцев многие умирали, вот и жена моего брата умерла и оставила пятерых детей. А у Астраханского моста много таких женщин хоронили. Ведь их, когда привозили на “скорой”, им сразу операцию не делали, а сидел следователь и спрашивал, у кого это женщина сделала аборт, но никто, конечно, не признавался. И многие умирали» [40].

Впрочем, семейную идиллию порой разрушали не только внутренние проблемы, но и политические события, происходившие в стране: коллективизация и раскулачивание, борьба с инакомыслием и массовые репрессии в атмосфере всеобщей подозрительности, когда человека могли арестовать и посадить по доносу собственного родственника: «А брат сводный, дядя Петя, он по 37-й статье попал. Он был бухгалтером в колхозе, там все друг друга знают. И кто-то из родственников (когда мы в 57-м году с мамой ездили, это он рассказывал) его спросили: “Что, Петро, какие виды на урожай?” А он: “Да какие виды на урожай, ты видишь – засуха. Плохо будет”. Все! Тот донес. Утром пришли, его арестовали и все. И как вредителя, как ярого пропагандиста против советской власти, против колхозов, его по 37-му году...» [41].

Превратившись в один миг из человека, занимавшего хорошую должность и имевшего соответствующий социальный статус, в осужденного «врага народа», такой родственник оказывался опасен для своей собственной семьи, обычно разрывавшей с ним прежние отношения. Узнать о его судьбе, восстановить родственные связи удавалось, как правило, только через два десятка лет, в период «оттепели», если он, конечно же, еще оставался жив к тому времени: «А дядя, то, что я знаю, это – не было никаких сообщений о нем, нельзя было вести никакой переписки. <...> И он боялся сообщать, чтобы на нас не повлияло это. Но вот приехал человек, и там, в Михайловке, родственникам рассказал, говорит, он боится, вы сами езжайте, сейчас другое время. И я после 4-го курса с мамой, пять дней мы туда добирались поездом с пересадками» [42].

Наряду с родственниками, немаловажную роль в жизни детей Сталинграда накануне и во время Великой Отечественной войны играли соседи. Во многом этому способствовал порожденный коммунальной квартирой особый коммунальный быт [43–44]. Проживавшие в соседних комнатах и, казалось бы, ничем более не связанные между собой люди вникали во все обстоятельства чужой для них жизни, порой превращаясь из ее очевидцев в прямых участников. В воспоминаниях детей Сталинграда часто говорится о том, что соседи фактически выполняли функции «замещения» родителей, находившихся на работе,

в вопросах воспитания детей. «Наверное, то, что в коммуналке жили, что войну пережили, у нас вечно дома был проходной двор, и с Ленинграда мамина сестра с дочкой жили, потом бабушкин младший брат и еще кто-то, никому не отказывали. Никогда никакого недовольства не было, доброта людская была. Соседи всегда угощали друг друга, когда бабушка, например, была на работе, то Таню брала к себе соседка. Когда соседки не было дома, то бабушка ее детей брала. Все это было в порядке вещей. Мы жили после войны небогато, но всегда делились всем. Столы собирались по праздникам, все соседи за ними сидели» [45].

Непосредственно в период Сталинградской битвы забота взрослых, в первую очередь, родителей о детях, особенно самых маленьких, стала самым главным условием их спасения. Родители готовы были защищать детей даже ценой своей жизни, например, заслоняя их собой от падавших осколков. В нужный момент они, как никто другой, могли успокоить, обогреть, накормить, подсказать правильные решения и предотвратить неверные шаги. Уже сам факт существования рядом близкого и родного человека служил для ребенка немаловажной поддержкой на фоне всеобщего ожесточения и массовой гибели людей. «А 23 августа, когда началась бомбежка, мы попали под эту бомбежку. С мамой шли из центра города, тогда трамваев не было еще, и вот где-то в районе Областной больницы, за Рокоссовского, началась бомбежка. И начали бомбить Даргору. Это было что-то ужасное – все пылало, все горело! Ужас просто! И вот мы с мамой шли вдоль забора. Мама нас закрыла с сестренкой, мы до дома так доползли и все. Вот так вот помним эту бомбежку» [46]; «Я – к деду в цех. Света нет, деда нет там, страшно, воеет сирена. Я под верстак залез и сидел, дрожал, пока тревога прошла. Дед пришел, я его обнял, он такой с бородой, деда я очень любил. Вот это первая память о войне» [47]; «Смотришь в глаза матери и бабушки, и вот только на них смотришь, все, как они реагируют – и ты так» [48].

В то же время наличие детей для самих взрослых создавало немало трудностей в условиях начавшегося сражения. В частности, именно с этим был связан отказ от эвакуации части сталинградцев, имевший затем самые трагические последствия. «В эвакуацию наша семья не попала. Все мы остались, все мы были в оккупации. Потому что все с детьми. <...> А что мама с четырьмя, тетушка – с шестью сделает? Да ничего. Куда она их, утка, поведет сзади? Поэтому мы и остались» [49]. Однако и дети были готовы встать при необходимости на защиту своих родителей, резко реагируя на замечания и оскорбления в адрес любимого человека: «У папы был наш русский командир, но он так грубо с ним обращался, а папа был больной, у него с легкими не в порядке было. Однажды этот командир и говорит мне: “Твой папа лодырь!” – и ногой его ударил. А я такая дурочка была, взяла и кинулась на него драться, вцепилась в глаза» [50].

Воспоминания содержат немало примеров того, как родственники объединялись в Сталинграде в целях совместного выживания. Это давало возможность получить материальную и психологическую помощь других членов семьи. Проявления подобной солидарности имели несомненное положительное значение не только для дальнейшего развития семейных взаимоотношений, но и для воспитания детей. «И жили вместе, тетя, братик двоюродный, бабушка, мама, я, дед – вот встретили войну. Тетя, когда забрали дядю, она пришла к нам» [51]; «И в войну как-то выживали, поддерживали друг друга. Взрослые приходили и между всеми делили, но в первую очередь, конечно, кормили детей. У нас в этом плане все было благополучно» [52].

Дети, оставшиеся без родителей и без поддержки других родственников, имели немного шансов на выживание в ходе Сталинградской битвы. Так, после гибели тети В.Н. Романцова осталось шестеро детей: «Кому они нужны и что, чего... Ну половина умерло, мама не могла содержать детей. Там двоих взяли с Мамаей...» [53]. Прибывшие в эвакуацию родственники порой рассматривались как дополнительная обуза в условиях снижения общего уровня жизни в годы Великой Отечественной войны. Естественно, что отказ в помощи вел к ухудшению дальнейших отношений с ними, а память об этом сохранялась и после войны. Отправившаяся в эвакуацию с семьей С.М. Лопаева сообщает, что первоначально в Ленинске их «родственники встретили плохо». Но далее она указывает на помощь со стороны других родственников: из Ленинска семья отправилась в Царев, «где жила мамина бабушка» [54].

В.Н. Романцова мама отвезла к своей сестре. Уже на месте прибытия выяснилось, что условия жизни и у нее оказались далеко не самыми лучшими. Но они позволили выжить и не погибнуть под вражескими бомбами и снарядами: «В 1943-м она нас везет в Астраханскую область к сестре. Тут потому, что жить негде было. К сестре приехали, там кухня саманная, вот, жили. Не жили, а существовали. Есть нечего, дров нет. Ужас! Ужас! Но все равно в школу ходили» [55]. Родственники помогали возвращавшимся в Сталинград семьям после его освобождения: «Приехали в Сталинград, а жилья-то нет у нас. Пошли по родственникам и поселились у Кравцова Николая Степановича – это мамин старший брат. Он жил вместе с сыном. Потом прибежали другие наши родственники, Зеленские, и позвали нас к себе жить. Переночевали мы у них. Потом мы перешли жить в летнюю кухню к тете Кате. <...> Мы жили за счет родственников, они с нами куском делились, мы у них жили» [56].

В целом многие дети Сталинграда связывают выживание в самый тяжелый период своей судьбы с помощью родных, близких, соседей. Сам дух коллективизма, взаимовыручка и взаимная поддержка, проявленные в экстремальных условиях военного времени, впоследствии стали предметом особой гордости детей Сталинграда: «А взаимопомощь между соседями, родственниками – не то слово! Взаимная поддержка, помощь одного человека другому, коллега – коллеге, сосед – соседу. Укреплялись эти соседские отношения, потому что входила одна семья в положение другой семьи. <...> Мы помогали и чужим, и близким, соседям, а сколько было эвакуированных! <...> Мы очень сильно помогали другу» [57].

Отмеченный коллективизм проявлялся не только в буднях, но и в праздниках. По мнению исследователей, официальные празднества в СССР «служили инструментом для популяризации политических целей и манипулирования людьми. Но они также были одним из каналов, через которые политика режима проводилась в жизнь» [58]. В воспоминаниях респондентов отразились проявления советской праздничной культуры в Сталинграде и утрата прежней роли религиозных праздников в жизни их семей: «Праздники были в основном советские в нашей семье: День физкультурника, 1 Мая, 7 Ноября. Мы выходили к Баррикадам, именно внизу собирались эти колонны, там демонстрировали физкультурники свое искусство. В парке потом гулянья были до позднего вечера. Елка проводилась только для детей, дни рождения, в парке какие-то праздничные дни, например День Военно-воздушного флота, тогда прыгали с парашютом. Парашюты были, у нас в Британском парке был ослепительно белый из шелка, а вот на “Красном Октябре” напротив того места, где сейчас плавательный бассейн “Искра” бывший, он был желто-оранжевого цвета. На Волге около Дома техники проходили День Военно-морского флота и речного флота. А вот Пасху, Рождество и Покров до и во время войны в семье во всей нашей родне не отмечали» [59].

С начала Великой Отечественной войны в советской праздничной культуре произошли определенные изменения, в частности приведшие к отказу от прежних массовых форм празднования и украшений домов, улиц и площадей [60–62]. Тем не менее большинство респондентов говорят о том, что праздники отмечались и во время войны. «А праздники были. Даже во время войны. Вот в Николаевке была война, но привезли какую-то елочку, украсили какими-то бумажными игрушками. Для всех детей это сделали. Даже подарки какие-то давали, например, кусочек сахара. В каждой школе после войны были елки, потом 1 Мая, 7 Ноября – это обязательно» [63].

В первую очередь, это объяснялось потребностью в празднике, особенно важной как средство психологической разгрузки для детей в экстремальных условиях военного времени. Это понимали и их родители, стремясь воссоздать для них праздничную атмосферу даже в самых, казалось бы, тяжелых условиях. Так, при освобождении советскими войсками станицы Обливской эвакуированные сталинградцы вместе с местными казачками «пошли по немецким квартирам», и мама В.И. Мамонтова принесла елку. Это вызвало неподдельное чувство радости у мальчика и сохранилось в его памяти как одно из наиболее ярких впечатлений военного детства, несмотря на годы. Данное чувство совершенно не разделяла бабушка, как взрослый человек, ориентированный на решение практических задач: «И бабушка говорит: “Ой! Все умные люди барахло таскают, а ты елку!”. А потому, что красиво! Елка настоящая, не сосна. А на ней какие-то “ляпсики” цветные приколоты,

пластмассовые что ли: зеленые, красные, синие – какие-то штучки такие. И так нам было празднично! Скоро Новый Год! Бабушка говорит: “Лучше бы одеяло принесла”» [64].

Впрочем, некоторые респонденты утверждают, что они вообще не отмечали праздники во время Великой Отечественной войны. Это объясняется тяжелыми условиями жизни, нехваткой средств или просто отсутствием соответствующей традиции: «А праздников мы не отмечали. Не могло во время войны такой сложнейшей, это не могло быть. Могло быть только словесно. Валя, Маша, Галя, Петя, поздравляем тебя с днем рождения, здоровья» [65]; «Праздники никакие не отмечали. Я только в 16 лет узнала, когда у меня день рождения» [66]; «Вот такая жизнь жестокая была, ужасная. Даже про праздники никакие не вспоминали...» [67].

Выводы

Рассказы бывших детей Сталинграда представляют собой уникальный комплекс источников, в котором отразилась эволюция семьи и ее роль в жизни юного поколения накануне и во время Великой Отечественной войны. Особую ценность придает им массовый характер, позволяющий говорить о высокой степени репрезентативности собранного и записанного материала. По всей вероятности, это самый крупный опрос не только среди детей Сталинграда, но и вообще среди детей военного времени, проведенный за последние годы одним коллективом на сравнительно небольшой территории за относительно короткий срок. Но при обращении к данным текстам необходимо учитывать, во-первых, особенности восприятия человеком своей прожитой жизни, вследствие которых детские годы, как правило, идеализируются, изображаются в более ярких красках и тонах, чем события последующей взрослой жизни. Во-вторых, перенос в прошлое респондентом своих представлений о семейной жизни.

Рассматриваемые источники позволяют сделать выводы о постепенном сокращении количества детей и совместно проживавших членов семьи в довоенный период. Это соответствует общим тенденциям в развитии советской семьи, связанным с постепенным переходом от больших, многопоколенных и многодетных семей к двухпоколенным и малодетным. При этом менялись не только структура семьи, но и сам стиль семейных взаимоотношений: постепенно в среде интеллигенции, советских служащих и других высших и средних слоях складывалась чувственная модель детоцентристской семьи. Все большую роль в воспитании детей играл отец, а проявление эмоций по отношению друг к другу становилось не выходящим за рамки правил исключением, а нормой взаимоотношений супругов, родителей и детей. В то же время в рабочих семьях нередко сохранялись патриархальные отношения, а коллективные формы проживания в условиях господства коммунального быта существенно сокращали личное пространство, превращая соседей в прямых участников семейных событий, в том числе и в вопросах воспитания детей. Это стало новой советской городской традицией, поскольку в сельских семьях подобных «заместителей» родителям не требовалось вследствие наличия большого количества родственников.

В годы войны, особенно в период Сталинградской битвы, семейные отношения трансформировались, испытав новые вызовы времени. В частности, нередко происходило воссоединение родственников, поскольку совместное проживание давало им больше возможностей выживания. Без заботы родителей и других родственников о детях выжить в условиях сражения у них было немного возможностей. Сохранению семейных традиций, практик и форм семейной жизни способствовали не только общие тяжелые будни, но и совместные праздники, которые многие сталинградские семьи отмечали, несмотря ни на что, и в годы Великой Отечественной войны.

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

Примечания:

1. Белов Д.А. Количественный анализ тенденций развития отечественной историографии Сталинградской битвы // Сталинградская битва в судьбах народов: материалы Международной научно-практической конференции, 2013 г. Волгоград: Принт, 2013. С. 438.

2. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.
3. Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 594 с.
4. Кринко Е.Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.
5. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 512 с.
6. Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 360 с.
7. Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М.: Наука, 1992. 140 с.
8. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 2. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001. 418 с.
9. Рабжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89–97.
10. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.
11. Вербицкая О.М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.– Тула: Гриф и К, 2009. 296 с.
12. Мамонтов Владислав Иванович, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 06.04.2012 // Дети и война... С. 28.
13. Кузнецов Борис Борисович, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 25.06.2014 // Дети и война... С. 67.
14. Михайлина Тамара Ивановна, 1932 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 31.05.2014 // Дети и война... С. 493.
15. Араловец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959 гг... С. 72–77.
16. Романцов Виктор Никифорович, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Фалалеева. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 13.07.2014 // Дети и война... С. 53.
17. Овчинникова Зинаида Николаевна, 1931 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 28.04.2014 // Дети и война... С. 38.
18. Зайцева Нина Николаевна, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер К.К. Шутова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 12.03.2014 // Дети и война... С. 264.
19. Лопаева Светлана Михайловна, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 08.06.2014 // Дети и война... С. 18.
20. Кузнецов Борис Борисович... С. 67.
21. Васильева Лидия Ивановна, 1937 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Т.В. Нелин. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 28.03.2014 // Дети и война... С. 104.
22. Лопаева Светлана Михайловна... С. 18.
23. Захаровская Любовь Ивановна, 1930 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.М. Решетникова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 15.04.2014 // Дети и война... С. 382.
24. Никогосян Раиса Андреевна, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 28.04.2014 // Дети и война... С. 241.
25. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 39.
26. Лопаева Светлана Михайловна... С. 20–21.
27. Лопаева Светлана Михайловна... С. 20.
28. Растова Людмила Васильевна, 1932 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.П. Рыбалкина. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 18.06.2014 // Дети и война... С. 497.
29. Кринко Е.Ф., Тажиудинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. С. 87.
30. Захаровская Любовь Ивановна... С. 382.
31. Осадчий Геннадий Федорович, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Д.Ф. Ахадова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 05.07.2014 // Дети и война... С. 424.
32. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 39.
33. Васильева Лидия Ивановна... С. 109.
34. Чулкова Мария Егоровна, 1927 г.р., х. Морозовка Кайсацкого района Сталинградской области. Интервьюер Ю.В. Смирнова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 07.06.2014 // Дети и война... С. 80.
35. Лопаева Светлана Михайловна... С. 19.
36. Никогосян Раиса Андреевна... С. 241.
37. Кузнецов Борис Борисович... С. 68.

38. Чулкова Мария Егоровна... С. 81.
39. Кузнецов Борис Борисович... С. 68.
40. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 39.
41. Кузнецов Борис Борисович... С. 69.
42. Кузнецов Борис Борисович... С. 69.
43. Герасимова Е.Ю. Советская коммунальная квартира: историко-социологический анализ (на материалах Ленинграда, 1917–1991): дис... канд. ист. наук. СПб., 2000. 181 с.
44. Утехин И. Очерки коммунального быта. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 277 с.
45. Лопаева Светлана Михайловна... С. 22.
46. Шаталова Маргарита Геннадьевна, 1938 г.р., г. Сталинград. Интервьюер О.С. Терентьева. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 26.04.2014 // Дети и война... С. 94.
47. Кузнецов Борис Борисович... С. 70.
48. Кузнецов Борис Борисович... С. 74.
49. Романцов Виктор Никифорович... С. 58.
50. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 41.
51. Кузнецов Борис Борисович... С. 70.
52. Шаталова Маргарита Геннадьевна... С. 97.
53. Романцов Виктор Никифорович... С. 53.
54. Лопаева Светлана Михайловна... С. 19.
55. Романцов Виктор Никифорович... С. 55.
56. Овчинникова Зинаида Николаевна... С. 41, 42.
57. Чулкова Мария Егоровна... С. 89.
58. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. С. 7.
59. Интервью с И.М. Суровой, 1936 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Бондаренко // Архив музея «Дети Царицына, Волгограда, Сталинграда».
60. Шаповалов С.Н. Роль и значение государственных праздников в период Великой Отечественной войны // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 206–210.
61. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. С. 200–227.
62. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)... С. 317–320.
63. Лопаева Светлана Михайловна... С. 25.
64. Мамонтов Владислав Иванович... С. 36.
65. Романцов Виктор Никифорович... С. 57.
66. Печенникова Таисия Ивановна, 1931 г.р., г. Сталинград. Интервьюер Л.А. Фалалеева. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 14.03.2014 // Дети и война... С. 481.
67. Белкина Евангелина Борисовна, 1934 г.р., г. Сталинград. Интервьюер А.Ю. Косова. Место и время проведения интервью: г. Волгоград, 24.02.2014 // Дети и война... С. 205.

References:

1. Belov D.A. Kolichestvennyy analiz tendentsiy razvitiya otechestvennoy istoriografii Stalingradskoy bitvy // Stalingradskaya bitva v sudbakh narodov: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 2013 g. Volgograd: Print, 2013. S. 438.
2. Stalingradskaya bitva. Iyul 1942 – fevral 1943: entsiklopediya. 5-e izd., ispr. i dop. Volgograd: Izdatel, 2012. 800 s.
3. Pavlova T.A. Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoy bitve. Volgograd: Peremena, 2005. 594 s.
4. Krinko E.F. Detstvo voennykh let (1941–1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 4. S. 25–31.
5. Deti i vojna: Stalingradskaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhiteley goroda. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. 512 s.
6. Deti Stalingrada: 10 let posle vojny. Vospominaniya zhiteley goroda. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. 360 s.
7. Evolyutsiya semyi i semeynaya politika v SSSR. M.: Nauka, 1992. 140 s.
8. Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki: v 3 t. T. 2. 1940–1959. M.: ROSSPEN, 2001. 418 s.
9. Rabzhaeva M.V. Istoriko-sotsialnyy analiz semeynoy politiki v Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2004. № 6. S. 89–97.
10. Aralovets N.A. Gorodskaya semya v Rossii, 1927–1959 gg. Tula: Grif i K, 2009. 304 s.

11. Verbitskaya O.M. Rossiyskaya selskaya semya v 1897–1959 gg. (istoriko-demograficheskiy aspekt). M.– Tula: Grif i K, 2009. 296 s.
12. Mamontov Vladislav Ivanovich, 1936 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Bondarenko. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 06.04.2012 // Deti i voyna... S. 28.
13. Kuznetsov Boris Borisovich, 1937 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Bondarenko. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 25.06.2014 // Deti i voyna... S. 67.
14. Mikhaylina Tamara Ivanovna, 1932 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.M. Reshetnikova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 31.05.2014 // Deti i voyna... S. 493.
15. Aralovets N.A. Gorodskaya semya v Rossii, 1927–1959 gg... S. 72–77.
16. Romantsov Viktor Nikiforovich, 1934 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Falaleeva. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 13.07.2014 // Deti i voyna... S. 53.
17. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna, 1931 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer Yu.V. Smirnova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 28.04.2014 // Deti i voyna... S. 38.
18. Zaytseva Nina Nikolaevna, 1936 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer K.K. Shutova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 12.03.2014 // Deti i voyna... S. 264.
19. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna, 1937 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer Yu.V. Smirnova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 08.06.2014 // Deti i voyna... S. 18.
20. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 67.
21. Vasilyeva Lidiya Ivanovna, 1937 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer T.V. Nelin. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 28.03.2014 // Deti i voyna... S. 104.
22. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 18.
23. Zakharovskaya Lyubov Ivanovna, 1930 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.M. Reshetnikova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 15.04.2014 // Deti i voyna... S. 382.
24. Nikogosyan Raisa Andreevna, 1936 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer O.S. Terentyeva. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 28.04.2014 // Deti i voyna... S. 241.
25. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 39.
26. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 20–21.
27. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 20.
28. Rastova Lyudmila Vasilyevna, 1932 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer A.P. Rybalkina. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 18.06.2014 // Deti i voyna... S. 497.
29. Krinko E.F., Tazhidinova T.G., Khlynina T.P. Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945). Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2013. S. 87.
30. Zakharovskaya Lyubov Ivanovna... S. 382.
31. Osadchiy Gennadiy Fedorovich, 1934 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer D.F. Akhadova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 05.07.2014 // Deti i voyna... S. 424.
32. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 39.
33. Vasilyeva Lidiya Ivanovna... S. 109.
34. Chulkova Mariya Egorovna, 1927 g.r., kh. Morozovka Kaysatskogo rayona Stalingradskoy oblasti. Intervyuer Yu.V. Smirnova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 07.06.2014 // Deti i voyna... S. 80.
35. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 19.
36. Nikogosyan Raisa Andreevna... S. 241.
37. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 68.
38. Chulkova Mariya Egorovna... S. 81.
39. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 68.
40. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 39.
41. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 69.
42. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 69.
43. Gerasimova E.Yu. Sovetskaya kommunalnaya kvartira: istoriko-sotsiologicheskiy analiz (na materialakh Leningrada, 1917–1991): dis... kand. ist. nauk. SPb., 2000. 181 s.
44. Utekhin I. Ocherki kommunalnogo byta. 2-e izd. M.: OGI, 2004. 277 s.
45. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 22.
46. Shatalova Margarita Gennadyevna, 1938 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer O.S. Terentyeva. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 26.04.2014 // Deti i voyna... S. 94.
47. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 70.
48. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 74.
49. Romantsov Viktor Nikiforovich... S. 58.
50. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 41.
51. Kuznetsov Boris Borisovich... S. 70.
52. Shatalova Margarita Gennadyevna... S. 97.

53. Romantsov Viktor Nikiforovich... S. 53.
54. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 19.
55. Romantsov Viktor Nikiforovich... S. 55.
56. Ovchinnikova Zinaida Nikolaevna... S. 41, 42.
57. Chulkova Mariya Egorovna... S. 89.
58. Rolf M. Sovetskie massovye prazdniki. M.: ROSSPEN, 2009. S. 7.
59. Intervyu s I.M. Surovoy, 1936 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Bondarenko // Arkhiv muzeya "Deti Tsaritsyna, Volgograda, Stalingrada".
60. Shapovalov S.N. Rol i znachenie gosudarstvennykh prazdnikov v period Velikoy Otechestvennoy voyny // Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya. 2010. № 3. S. 206–210.
61. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. Povsednevnyy mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn v usloviyakh sotsialnykh transformatsiy. Rostov n/D: Izdatelstvo YuNTs RAN, 2011. S. 200–227.
62. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. Chastnaya zhizn sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945)... S. 317–320.
63. Lopaeva Svetlana Mikhaylovna... S. 25.
64. Mamontov Vladislav Ivanovich... S. 36.
65. Romantsov Viktor Nikiforovich... S. 57.
66. Pechennikova Taisiya Ivanovna, 1931 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer L.A. Falaleeva. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 14.03.2014 // Deti i voyna... S. 481.
67. Belkina Evangelina Borisovna, 1934 g.r., g. Stalingrad. Intervyuer A.Yu. Kosova. Mesto i vremya provedeniya intervyyu: g. Volgograd, 24.02.2014 // Deti i voyna... S. 205.

УДК 94(47)

Образы семьи в воспоминаниях детей Сталинграда

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Сталинградской битве посвящено значительное количество разных исследований. Однако судьба детей Сталинграда недостаточно изучена. Статья посвящена образам семьи в памяти детей Сталинграда. Исследование опирается на результаты опроса, проведенного в 2014–2015 гг. среди жителей Волгограда – очевидцев Сталинградской битвы в детском и подростковом возрасте. Семья в значительной степени определяла судьбу детей Сталинграда. При этом структура и состав семьи постепенно менялись. Во время Сталинградской битвы забота взрослых, в первую очередь, родителей о детях стала главным условием их выживания. В воспоминаниях отразились особенности восприятия человеком своей прожитой жизни: детские годы, как правило, идеализируются по сравнению с событиями взрослой жизни.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сталинград, военное детство, семья, воспоминания, устная история.